

УДК 008:001.8

DOI: 10.17223/1998863X/39/2

М.Н. Кокаревич

ФИЛОСОФСКОЕ ПОЗНАНИЕ И АРХИТЕКТУРНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ

На основе проведенного компаративного анализа философского познания и архитектурного проектирования показана их тождественность: субъект философствования и архитектурного проектирования есть единство субъективного и объективного, рационального и эмоционального; методологической стратегией обоих видов деятельности является конструирование; предметная реальность для философского познания – созданная автором онтологическая модель реальности, для субъекта архитектурного проектирования – искусственная реальность; философские концепты есть результат герменевтико-феноменологического анализа, архитектурные образы – герменевтико-коннотативных интенций.

Ключевые слова: философское познание, архитектурное проектирование, социокультурный контекст, эстетическая парадигма, философская парадигма.

В философии традиционно актуальной является проблема уточнения понятий. Одним из путей решения данной проблемы становится компаративистский анализ категориальных и понятийных рядов с целью экспликации специфики сравниваемых понятий. Компаративистский анализ в данном случае предполагает сравнение философского познания и архитектурного проектирования с целью выявления общих свойств, принципов, а также различий, присущих данным видам деятельности. При этом сопоставление философского познания и архитектурного проектирования предполагает понимание сравниваемых видов деятельности. Такое понимание осуществляется в рамках герменевтической методологии, предполагающей, в частности, принятие определяющей роли социокультурного контекста любой деятельности. Феноменология вносит в компаративистику понимание конституирующей, созидательной роли субъекта в процессе анализа и сравнения. Соответственно, компаративистский метод базируется на понимании, которое складывается в рамках герменевтико-феноменологического постижения и сравнения на основе сформированного понимания. Логика компаративистского анализа задается методологией деятельностного подхода, в рамках которого и философствование, и архитектурное проектирование являются видами деятельности. Соответственно, как виды деятельности они имеют одну и ту же структуру. Среди структурных элементов как методологических единиц последующего анализа выделим субъект деятельности, процессуальную составляющую, т.е. систему действий, предмет деятельности, ее результат, социокультурный контекст деятельности, который определяет специфику субъективности исследователя и архитектора, предмет деятельности, задает образ результата и философского познания, и архитектурного проектирования.

Субъект деятельности как нечто, лежащее в основании (от лат. Subjectum – подлежащее), является носителем целей, которые как регуляторы деятельности содержат представление о том, что должно быть получено в результате деятельности, ценностей, которые задают смысл, необходимость деятельности. Субъект философского познания и архитектурного проектирования также выступает во всей полноте своей субъективности – как носитель мировоззренческих принципов, как личность со своим эмоциональным складом, как исторический субъект, что, в частности, обосновывает и Ю. Хабермас в своей концепции постметафизического мышления [1].

Такой субъект не пассивный наблюдатель, а участник познавательного и проектировочного процессов, он включен в эти процессы со всей своей эмоциональностью и субъективностью. Он всегда представляет собой единство субъективного и объективного, рационального и эмоционального. Объективным для субъекта философского познания и архитектурного проектирования становится социокультурный контекст эпохи, в которую он вписан, парадигма, существующая в рамках осуществления архитектурной деятельности как стиль.

В горизонте социокультурного контекста эпохи Просвещения, утверждающего превосходство человеческого ума, разумности настолько, что Дж. Вико приходит к выводу, что человек, вследствие бесконечной природы человеческого ума, сам себя делает правилом Вселенной. Соответственно, мораль, религия, право представляют собой феномены, актуализирующие человеческую разумность или неразумность, т.е. имеют естественное происхождение. Демократия имеет также в данном социокультурном контексте естественное происхождение. Действительно, если люди по своей природе обладают разумом, то как, прежде всего, разумные существа они должны быть равны перед законом. Согласно Вольтеру, право быть равными перед законом люди утеряли «только по трусости и по глупости» [2. С. 16]. Поэтому утверждение демократии соответствует естественной природе человека, и вернуться к ней возможно на пути просвещения и убеждения государей. Тем более что само государство возникло как результат разумного соглашения между членами общества. Данное положение отличается от вывода Т. Гоббса, мыслителя Нового времени с его культом научного разума, культом механистического мышления. Согласно последнему, все феномены природы являются объективациями законов природы, а все общественные феномены – объективациями законов человеческой природы, в частности, государство представляет собой результат актуализации закона самосохранения как имманентного закона человеческой природы. Таким образом, субъект философствования всегда выступает как представитель своей и только своей социокультурной исторической действительности, своей эпохи. Поэтому следует согласиться с тем, что «способ бытия субъективности является абсолютной историчностью» [3. С. 602].

Аналогично для субъекта архитектурного проектирования социокультурный контекст становится объективирующим фоном творческого процесса в данной сфере. Средневековью в качестве основного приоритета видится возведение церквей и соборов. Данный приоритет обоснован тем, что главной ценностью эпохи является Бог, а все формы культуры должны утвер-

ждать величие Бога. Более того, социокультурный контекст Средневековья формируется принципами догматизма, универсализма, символизма, крайнего дуализма, что предполагает эволюционирование художественно-образной системы римской трехнефной базилики в направлении все большего соответствия храму как символу Царствия Божия. Последнее воплощается в появлении поперечного трансепта, придающего храму форму креста, системы нервюров, которые позволяют потолочное перекрытие трехнефной базилики трансформировать в образ небесного свода, завершением этого процесса становится готика, с ее контрфорсами, аркбутанами, обилием витражей. При этом в соответствии с принципом крайнего дуализма для романских храмов естественным является простая тяжеловесная внешняя оболочка и, как полная противоположность, интерьер, формируемый витражами, обилием золота и сияния. Так выстраивается догматика романского, затем готического стиля.

Единство субъективного и объективного в архитектурном проектировании уточняется путем рассмотрения художественного проектировочного образа как единства денотативного и коннотативного. В данном случае денотативное обозначает такую объективность, как функциональное назначение сооружения, его отдельных элементов. В частности, денотативное содержание такой части здания, как крыша, заключается в ее предназначении защищать помещение от внешней среды. Однако разнообразие форм крыши, коннотативное содержание художественного образа задаются ментальностью культуры и субъективностью автора. Так, купольная система православных храмов коннотирует и субъективность автора, но более всего аскетизм как ментальную доминанту русской культуры, православную идею жизни как горения, абсолютного служения Богу: «И, наконец, наша отечественная «луковица» воплощает в себе идею глубокого молитвенного горения к небесам... Это завершение русского храма – как бы огненный язык, увенчанный крестом и к кресту заостряющийся» [4. С. 198].

Социокультурный контекст представляет собой фон становления определенных парадигм и стилей данной культурной эпохи, которые становятся объективирующим фоном философского познания и архитектурно-проектировочной деятельности. Парадигма в методологическом аспекте определяет способы постановки задач и методы их разрешения, которые являются конкретизациями когнитивных идеалов культурной эпохи. При этом в философии парадигмы не сменяют, но сосуществуют друг с другом. Полем сосуществующих философских парадигм становится множество онтологических построений в античной философии, которые задают способы решения проблем познания различных аспектов реальности. Огонь, в качестве базисного конструкта бытия позволяет Гераклиту определить «огненные» свойства, характеризующие разумность человека, в отличие от Пифагора, наделяющего бытие «числовыми» признаками, что позволяет представить, например, прекрасное как числовую гармонию и числовую пропорцию, задать иной образ разумности и т.д. Аналогом философской парадигмы является в архитектурном проектировании стиль, который также является конкретизацией общих ценностных оснований эпохи и как система средств создания художественного архитектурного образа может быть эксплицирован как определенная эстетическая парадигма. Например, как было показано выше,

проектировочные, методологические принципы романского стиля формируются как конкретизации ментальных доминант средневековой культуры.

Субъективное для представителя философских наук воплощается, в частности, в системе личностных ценностей, которые также оказываются сформированными в определенном контексте, тем самым оказываются сопряженными с общим социокультурным фоном. Личностные ценности существуют как когнитивно-методологические, как воспринятые идеалы и нормы философского и познания соответствующей культурной эпохи, релевантной парадигмы. Доказательность субстанциональности какого-либо феномена и существования его в качестве генетического начала осуществляется как зримость, обращенная к телесному мышлению древних греков. Этот способ доказательства используется, в частности, Гераклитом, который аргументировал, что первоначало всего сущего – это огонь, тем, что показывал возможность залить его водой или спаивая рабов до состояния неподвижности и невозможности разумно говорить. Данные ценности существуют и как мировоззренческие, которые конституируют цель и направление исследования, задают в конечном счете неповторимый образ философской концепции аналогично неповторимости художественного проектировочного образа. Для Ф. Фукуямы с его признанием западной идеи в качестве высшей ценности исторический процесс концептуализируется как стремление к осуществлению этой ценности, для К. Ясперса с его глубокой верой в Бога, в единство человечества исторический процесс есть стремление к Единству, исторически конкретной формой которого является осевое время.

На таком существенном факторе, как ценностные ориентации субъекта философствования, акцентировал свое внимание еще Ф. Ницше. Ценности самосозидания «творца» и уничтожения в себе «твари» определяют наилучший результат, наилучшую концепцию [5. С. 165]. Вместе с тем личностные качества задают цели и направление исследования, а также пути и механизмы возможного решения проблемы. Соответственно, в своих культур-философских трудах и О. Шпенглер, и Н.Я. Данилевский выступают как представители и исследователи соответственно проблем европейской и русской культуры. А. Шопенгауэр, осмысляя первоначала бытия, выдвигает идею Воли, что соответствует романтическому фону эпохи, смотрящей на мир сквозь призму приоритета Человеческой Воли. Вместе с тем произведения его выдают глубокую личную неприязнь к женщинам, которая сформировалась еще в детстве после смерти отца, покончившего жизнь после ссоры с матерью будущего философа.

Эмоциональность субъекта философского познания трансформирует его в субъекта художественно-философского познания, реализующего экзистенциально-антропологическую установку. Как писал О. Шпенглер, «культура рождается в тот миг, когда из прадушевного состояния вечно-младенческого человечества пробуждается и отслаивается великая душа, некий лик из пучины безличного, нечто ограниченное и преходящее из безграничного и пребывающего ... Каждая культура обнаруживает глубоко символическую и почти мистическую связь с протяженностью, с пространством, в котором и через которое она ищет самоосуществления» [6. С. 264].

Сильное эмоциональное звучание имеют выводы и обоснования Ф. Ницше, который считал, что значимость знания определяется тем, что исследователь любит свое творение «в бесконечно большей степени, чем оно этого заслуживает» [5. С. 165]. Этим определяется глубокая эмоциональность высказываний о немецком духе как о дурном воздухе, о людях, презирующих музыку, которых следует рассматривать как бездарных животных. О музыке Ж. Бизе говорит, что она легка, гибка, учтива, любезна и потому совершенна. Размышляя о нравственных ценностях, упоминает Сократа как врага, поскольку он заставил греков думать о едином идеале добродетели, тем самым вырвав их из потока жизни, наслаждений. Критикуя христианскую проповедь добра и милосердия, говорит, что сострадание так же смешно, как нежные руки у циклопа, а мораль – тиран воли человека.

Аналогично субъект архитектурного проектирования выступает не просто как единство рационального и эмоционального, но как высшее напряжение эмоционального переживания, как субъект, который, по Ф. Ницше, бесконечно влюблен в свое творение. Когда Гете формулирует основные методологические принципы созидания художественного образа, он отмечает, что переход от общего, т.е. обобщенного, типа к особенному, к индивидуальному художественному образу возможен только при условии огромной любви к своему будущему персонажу. Именно эта любовь, глубокое эмоциональное потрясение позволяют наделить обобщенный тип, в частности молодого человека, страдающего от неразделенной любви к замужней женщине, такими чертами, что он становится Вертером, живым, даже более живым и понятным, чем сама реальность. Данный принцип является общим для создания любого художественного образа, не только литературного, но и архитектурного. Только переизбыток эмоциональности приводит к созиданию непревзойденных художественных образов, каковыми являются Тадж-Махал, как памятник великой любви хана Джихана к своей жене, готика как стиль, в котором аббат Сугерий решил воплотить свою любовь к Богу, наиболее полно представить храм как Царствие Божие на Земле, Бога в камне. Именно это глубочайшее чувство привело к конструированию системы контрфорсов и аркбутанов, позволивших расширить внутреннее пространство храма, витражей, преломляющих естественное солнечное освещение и позволяющих предельно заполнить храм неземным светом.

Компаративный анализ процессуальной составляющей философского познания и архитектурного проектирования позволяет усмотреть общее в осуществлении философствования и проектирования. Архитектурное проектирование – это процесс конструирования, созидания архитектурно-художественного образа, который кладет начало изменениям в искусственной среде, позволяет смоделировать культурную реальность.

Философское познание – это, прежде всего, продуцирование, конструирование концепции, которая воспроизводит определенные аспекты социокультурной реальности. Действительно, если человек конструирует общество, культуру, то философское осмысление многообразных процессов конструирования является не чем иным, как реконструкцией. Конструирование, моделирование присуще в целом философскому мышлению, что отмечает еще Ф. Шеллинг, показывая, что всякое философствование есть конструи-

рование, а философские понятия являются конструкциями, результатами «продуцирования» [7. С. 24–25]. В современном философском дискурсе в качестве основной познавательной процедуры объявляется деконструкция, которая более, чем метод, «не может быть трансформирована в метод» [8. С. 55], которая всегда контекстуально и субъективно обусловлена. Например, философия жизни в лице Э. Трельча, В. Дильтея, Г. Зиммеля определяет философствование как конструирование, структурализм – как моделирование [9].

Таким образом, исследователь, реконструируя культурно-историческую действительность, может говорить, например, о цели исторического процесса, о его смысле, о ценностном содержании какого-либо феномена. Поэтому герменевтика становится условием, фоном концептуального реконструирования, т.е. понимание задает содержание базисных концептов, посредством которых осуществляется проективная, конструирующая методология. Эти концепты возникают как результат герменевтико-феноменологического анализа, а не как результат индуктивного обобщения. Тем самым они формируют значения, культурно-историческую реальность. Рассматривая различные образы развития и существования культуры (образ осевого времени, образы однолинейной, многолинейной, универсальной эволюции, образ существования культуры как множества культурно-исторических типов, образ смерти культуры и т. п.), можно увидеть в данных концептуальных образах результаты понимания, интерпретации и конструирования, проектирования, созданные через призму социокультурного контекста, соответствующей линейной или циклической парадигмы и всей субъективности авторов. Если философские концепты есть результат герменевтико-феноменологического анализа, то архитектурные образы – в основном герменевтико-коннотирующих интенций. Действительно, в современной архитектуре денотативные функции в основном остаются неизменными – жилье, зрелищный центр, аэропорт и т.д. Индивидуальный облик сооружения определяется коннотациями, которые являются результатом понимания репрезентирующих смыслов данного сооружения. Так, К. Кикутакэ, проектируя жилые дома, создает методику конструирования и оценки своих архитектурных образов, базирующихся на коннотациях счастья, гармонии и мира. Только тот архитектурный проект, по его мнению, имеет право на реализацию, если он создает атмосферу счастья, мира и гармонии.

Проективная методология, социокультурная и субъективная контекстуальность становятся условием для выделения предмета познания, предметной области архитектурно-проективной деятельности. Так, только в эпоху Просвещения с ее культом человеческого разума, с ее представлением об определяющей роли человеческой природы в становлении социальности и культуры начинается широкая концептуализация происхождения религии, морали через призму их созидания человеком. Ж.-Ж. Руссо видит источник естественного происхождения морали во «врожденном отвращении к виду страдания себе подобного» [10. С. 264], религии – во встрече «дурака с мошенником». Л. Фейербах усматривает источник генезиса религии в человеческой потребности к счастью и в страхе перед силами природы, которые могут дать и отнять это счастье. Эти силы природы человек и превращает в могуществен-

ных богов, от которых зависят его жизнь и благополучие. Когда человек попадает во власть социальных сил, во власть одного правителя, он приходит к идее единого бога.

Не только предмет исследования, но предметная реальность в целом является в силу данной контекстуальной обусловленности бытийной моделью реальности. В философском дискурсе предметная реальность трансформируется в силу выделенных контекстов в онтологическую модель реальности. Становление гуманитаристики, наук о духе приводит и к формированию множества онтологических моделей культурно-исторической реальности. Для В. Дильтея – это совокупность «переживаний» [11. С. 128]; для Э. Трельча – действительность «исторического переживания» [12. С. 37]; для П. Рикера – «интерпретированное бытие» [13], для постструктуралистов – фенотекст, в феноменологической традиции – жизненный мир и т.п.

В рамках архитектурного проектирования окружающий мир существует как сконструированная в соответствии с системой архитектурно-художественных образов искусственная реальность, которая предопределена социокультурным контекстом эпохи, эстетической парадигмой и всей субъективностью множества авторов. В частности, постмодернистская ментальность с ее принципом максимальной приближенности к человеку, к каждой культуре генерирует множество эстетических парадигм, агрессивно отрицающих предыдущую модернистскую эстетику с ее элитарностью. Так утверждает деконструктивизм Р. Кулхааса [14] и других представителей архитектурного проектирования и соответствующая архитектурная среда как новая предметная искусственная реальность.

При этом деконструктивизм как дадаистическая художественно-проектировочная парадигма возникает практически одновременно с дадаистическим разрушением Ж.-Ф. Лиотаром метаповествований, поскольку мир ему представляется и начинает для него существовать как субъективная онтологическая интерпретация, вписанная в определенный социокультурный контекст; с утверждением деконструктивной методологии Ж. Дерридой, Р. Рорти; с аналогичным отрицанием П. Фейерабендом истины как нормы и ценности научного познания, которую он, называя себя дадаистом, объявляет зловредным монстром. Тем самым формируется в постмодернистском социокультурном контексте реальность деконструктивистской философской концептуализации, аналогичной деконструктивистской реальности архитектурно-художественного проектирования, представляющей собой множество сосуществующих философских концептуальных построений, связанных смысловым полем своей культурной эпохи.

Таким образом, компаративистский анализ философского познания и архитектурного проектирования в аспекте выявления общих черт позволяет отметить их относительную тождественность: субъект философствования и архитектурного проектирования выступает как единство субъективного и объективного, эмоционального и рационального, как представитель своей философской или эстетической парадигмы и культурно-исторической эпохи; методология данных видов деятельности – это конструирование, реконструирование, деконструирование; философские концепты есть результат герменевтико-феноменологического анализа, архитектурные образы – герменевти-

ко-коннотатирующих интенций; предметная реальность для философского познания – созданная автором онтологическая модель реальности, для субъекта архитектурно-художественного проектирования, по определению, это – сконструированная реальность как система архитектурно-художественных образов, ведущая к созданию новой искусственной среды.

Литература

1. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. 2-е изд., испр. М.: Весь Мир, 2008. 416 с.
2. *Вольтер* Философские сочинения. М.: Наука, 1989. 752 с.
3. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
4. *Трубецкой Е.* Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи // Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв. М.: Прогресс, 1993. С. 195–219.
5. *Ницше Ф.* О пользе и вреде истории для жизни. Соч. в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 158–230.
6. *Шпенглер О.* Закат Европы. М.: Мысль, 1993. Т. 1. 663 с.
7. *Шеллинг Ф.В.Й.* Соч. в 2 т. М.: Мысль, 1987. Т. 2. 636 с.
8. *Деррида Ж.* Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля. СПб.: Алетейя, 1999. 208 с.
9. *Кокаревич М.Н.* Становление культурологических систем как гносеологическая проблема // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. 2012. Вып. 4 (20). С. 44–51.
10. *Курбатов В.И.* История философии. Ростов н/Д: Феникс, 1997. 448 с.
11. *Дильтей В.* Сущность философии. М.: Интрада, 2001. 159 с.
12. *Трёльч Э.* Историзм и его проблемы. М.: Юрист, 1994. 719 с.
13. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. М.: Академический проект, 2008. 695 с.
14. *Кулхаас Р.* Нью-Йорк вне себя. М.: Институт медиа, архитектуры и дизайна. 2013. 336 с.

Maria N. Kokarevich. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: kokarevich@mail.ru

DOI: 10.17223/1998863X/39/2

PHILOSOPHICAL COGNITION AND ARCHITECTURAL PLANNING

Key words: philosophical cognition, architectural planning, sociocultural context, aesthetic paradigm, philosophical paradigm.

The article shows the results of comparative analysis of philosophical cognition and architectural planning. The logic of comparative analysis methodology is specified by the activity and the externalist approaches within the philosophical cognition and architectural planning are activities inscribed into a defined sociocultural context.

The result of the comparative analysis revealed the relative similarity of these activities. Firstly, the subject of philosophical cognition and of architectural planning is a unity of subjective and objective, rational and emotional; the objectivism factors are social and cultural reality into which is inscribed the subject of philosophical cognition and of architectural planning, the paradigm of philosophizing, aesthetic paradigm, or style - for architectural planning; in both cases, the significance of the result is determined by the fact that the subject stands as the highest tension of emotional experience. Secondly, the methodological strategy of both types of activity is the design, the reconstruction, the deconstruction. Thirdly, the subject reality for philosophical cognition is becoming the ontological model of reality created by the author, the basic concepts which are the data of the phenomenological analysis, for the subject of architectural planning – the artistic reality, the system of artistic images, as data of hermeneutic-connotative intentions.

References

1. Habermas, J. (2008) *Filosofskiy diskurs o moderne. Dvenadtsat' lektсий* [Philosophical Discourse On Modernity. Twelve Lectures]. Translated from German. 2nd ed. Moscow: Ves' Mir.

2. Voltaire. (1989) *Filosofskie sochineniya* [Philosophical Writings]. Translated from French. Moscow: Nauka.
3. Gadamer, H.-G. (1988) *Istina i metod* [Truth and Method]. Translated from German by B.N. Bessonov. Moscow: Progress
4. Trubetskoy, E. (1993) *Umozrenie v kraskakh. Vopros o smysle zhizni v drevnerusskoy religioznoy zhivopisi* [Speculation in colours. The question of the meaning of life in ancient Russian religious painting]. In: Gavryushin, N. (ed.) *Filosofiya russkogo religioznogo iskusstva XVI–XX vv.* [Philosophy of Russian Religious Art of the 15th–20th centuries]. Moscow: Progress, 1993. pp. 195–219.
5. Nietzsche, F. (1990) *O pol'ze i vrede istorii dlya zhizni. Soch v 2 t.* [On the benefits and harm of history for life. Works in 2 vols]. Vol. 1. Translated from German. Moscow: Mysl'. pp. 158–230.
6. Spengler, O. (1993) *Zakat Evropy* [The Decline of Europe]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
7. Schelling, F.V.J. (1987) *Sochineiya v 2 t.* [World in 2 vols]. Vol. 2. Translated from German. Moscow: Mysl'.
8. Derrida, J. (1999) *Golos i fenomen i drugie raboty po teorii znaka Gusserlya* [Voice and Phenomenon and Other Works on Husserl's Theory of Sign]. Translated from French. St. Petersburg: Aleteyya.
9. Kokarevich, M.N. (2012) Formation of cultural systems as a gnosiological problem. *Vestnik TGU. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 4(20). pp. 44–51. (In Russian).
10. Kurbatov, V.I. (1997) *Istoriya filosofii* [History of Philosophy]. Rostov n/D: Feniks.
11. Dilthey, W. (2001) *Sushchnost' filosofii* [The Essence of Philosophy]. Translated from German. Moscow: Intrada.
12. Troeltsch, E. (1994) *Istorizm i ego problem* [Historicism and Its Problems]. Translated from German. Moscow: Yurist.
13. Rikoeur, P. (2008) *Konflikt interpretatsiy* [Conflict of Interpretations]. Translated from French by I.S. Vdovina. Moscow: Akademicheskii projekt, 2008. 695 s.
14. Kulhaas, R. (2013) *N'yu-York vne sebya* [New York is beside itself]. Moscow: Institut media, arkhitektury i dizayna.